

Перед глазами присутствующих картина начала меняться: от объятых пламенем пространства и испуганных криков учеников до пристального взгляда Чжоу Сяохуэй.

Изображение медленно искажалось, словно накладывающиеся друг на друга слои времени; даже звуки стали неразборчивыми, пока видение окончательно не рассеялось и не исчезло.

За секунду до того, как всё растворилось, Синь Жун успел заметить на лице Чжоу Сяохуэй улыбку — впервые за всё время.

В ней читались облегчение и свобода.

Её глаза согнулись в полумесяцы.

Внезапно всех ослепила вспышка белого света, заставив Синь Жуна инстинктивно прикрыть глаза.

Когда он снова открыл их, окружающая обстановка изменилась.

Высоко в небе палило солнце, а здание актового зала исчезло, будто невидимая рука стёрла его с лица земли. Лишь следы недавнего яростного пожара, казалось, поглотили здесь всё живое.

Воздух был пропитан удушливым, тяжёлым запахом гари. Вокруг царил хаос: повсюду валялись обгоревшие балки, битая черепица и пепел от всякого хлама — зрелище было поистине жалким.

— Динь-дон. Поздравляем игрока Синь Жуна с получением подсказки. Завершите финальное основное задание: найдите останки Маоцю.

Холодный системный голос прозвучал в головах у всех одновременно, возвращая их к реальности.

— Она что, так и умерла? Мы только что видели запись её смерти? — Цин Куй покраснела, голос её дрожал, а нос был заложен от недавних слёз.

— Можно и так сказать. Скорее, это был своего рода откат во времени, — Синь Жун ответил мрачно, чувствуя, как на душе стало тяжело.

Конечно, любой, кто стал свидетелем этого грандиозного представления, не смог бы остаться равнодушным.

Синь Жун чувствовал себя опустошённым и подавленным.

Бессилие от осознания того, что он видел трагедию, но не мог её предотвратить. Печаль от того, что на этот так называемый праздник, устроенный ради травли девушки, явились абсолютно все. Если бы хоть кто-то не пришёл, смогла бы она избежать этого огненного возмездия?

Все прекрасно знали, что это за унижительная игра, но никто не попытался её остановить или просто уйти. Возможно, тех, кто издевался непосредственно, было немного, но разве те, кто

молчал, потакал или холодно наблюдал со стороны, не были соучастниками?

Люди с полными ртами семечек перемалывали кости чужих судеб, и один неосторожный хруст мог оборвать чью-то жизнь.

Цин Куй, будучи старшеклассницей, воспринимала всё через призму личного сопереживания. Лю Хаонань, сам отец, испытывал жгучую несправедливость и жалость.

В тот момент именно они плакали громче всех.

Синь Жун покосился на стоявшего рядом Хо Фаня. Тот всё время смотрел в землю и молчал, погружённый в свои мысли.

Синь Жун уже собрался идти, как вдруг заметил нечто, совершенно выбивающееся из общего пейзажа.

Среди руин неподалёку рос крошечный красный цветок — яркий и живой.

Его лепестки слегка покачивались, словно подол девичьего платья.

Рядом с цветком что-то блеснуло металлическим отблеском, но разглядеть было сложно.

Порыв ветра донёс откуда-то едва уловимый звон колокольчика.

Синь Жун едва заметно улыбнулся и зашагал прочь. Остальные трое последовали за ним.

— Куда мы? Я получила задание найти останки котёнка, — Цин Куй догнала его и спросила.

— В класс. Помнишь, что она говорила? — Синь Жун продолжал идти. — Ученики убили её кота, подарили ей ошейник и с издевкой предложили самой найти тело. Она упоминала, что они дали подсказку: место, где она бывает каждый день. — Он поправил очки и нахмурился, глядя на свою руку — кровь остановилась, но боль всё ещё напоминала о себе.

— Место, где она бывает каждый день? Хм... — Цин Куй закусил губу. — Разве этот круг поиска не слишком широк?

— Действительно. В школе полно таких мест. Но главное — то, что она сказала следом. — Синь Жун посмотрел на учебный корпус, залитый солнечным светом, отчего высеченный на стене школьный девиз сиял особенно ярко: Воспитывать добродетель.

Синь Жун долго смотрел на иероглиф Добродетель и насмешливо усмехнулся.

— Что она сказала?

— Она сказала, что сходила с ума: ей казалось, что на учительском столе сидит кошка, и она даже чувствовала запах гнили. Если у человека одновременно галлюцинации зрения, слуха и обоняния, то его психическое состояние должно быть куда хуже, чем она показывала. — Синь Жун продолжал говорить, пока они не дошли до входа в корпус.

— То есть... ты хочешь сказать, что запах не был галлюцинацией? — Лю Хаонань вытаращил глаза, не в силах поверить в услышанное.

— Именно так, — кивнул Синь Жун и шагнул внутрь.

— погоди! — Хо Фань, который молчал всё это время, внезапно остановил его.

Синь Жун замер и с недоумением обернулся к мужчине.

— У тебя есть другие соображения? — голос Синь Жуна оставался спокойным.

— Э-э... нет. Просто... когда войдёте в класс, приготовьтесь морально, — Хо Фань замялся, что было ему несвойственно, и неловко пожал плечами.

Синь Жун приподнял бровь, окинул взглядом окровавленную одежду Хо Фаня, о чём-то догадался и бросил на него многозначительный взгляд.

Остальные двое недоумённо переглянулись, но всё же двинулись следом. Хо Фань, тяжело вздохнув, поплёлся за ними.

Поскольку они уже были здесь, путь к кабинету 3-2 занял совсем немного времени.

Стоя в конце длинного коридора, Синь Жун нахмурился.

Отвратительный запах крови и гнили заполнил всё пространство, и было страшно представить, что творится внутри класса.

Все трое обернулись и посмотрели на Хо Фаня. Их взгляды явно говорили: Что, чёрт возьми, ты там делал?!

Хо Фань проигнорировал их, делая вид, что крайне увлечён окном.

Синь Жун на мгновение замешкался, а затем направился к двери.

Трое остановились у входа и долго стояли в оцепенении.

Стены были залиты пугающими кровавыми пятнами. В задней части класса тело учительницы превратилось в бесформенную массу — казалось, она подверглась жесточайшим пыткам.

На потолочном вентиляторе висели едва узнаваемые фрагменты плоти, которые слегка покачивались на ветру, источая тошнотворное зловоние. По полу тянулись кровавые следы, извиваясь, словно ядовитые змеи...

Это тот самый класс, который они видели раньше? Это же настоящий ад.

Все трое синхронно повернулись к Хо Фаню.

— Шестёрка, — медленно произнёс Синь Жун.

Хо Фань кашлянул, чтобы скрыть неловкость, и первым протиснулся в класс. Цин Куй, зажав нос, подбежала к окну и распахнула его. Свежий воздух хлынул внутрь, немного разбавляя смрад.

Синь Жун огляделся, игнорируя кровавое месиво, и о чём-то задумался.

— Есть идеи? — Лю Хаонань, стараясь не смотреть на останки учительницы, попытался переключить внимание на Синь Жуна.

— Как вы думаете, где в этом классе можно спрятать труп кошки? — Синь Жун постучал носком ботинка по полу.

Пол был бетонным, без единой щели — спрятать там что-либо ребёнку было невозможно.

Синь Жун прохаживался по комнате, пока его взгляд не упал на учительский стол. Он стоял на возвышении, и учитель, находясь за ним, скрывал всё, что было ниже пояса.

Синь Жун поднялся на помост и топнул ногой. Конструкция была деревянной и полой внутри.

— Здесь пусто. Если тело кошки в классе, то здесь самое вероятное место, — он присел и постучал по деревянной панели.

Цин Куй и Лю Хаонань подошли ближе.

— Но как её открыть? У нас нет инструментов, — заметил Лю Хаонань.

Синь Жун нахмурился. Действительно, доски были толстыми, голыми руками не справиться.

— Я могу... — начал было Хо Фань, но Синь Жун жестом остановил его.

Хо Фань уже хотел вспылить, как вдруг увидел, что Синь Жун направился к парте Чжоу Сяохуэй.

Он сел на стул, глядя на доску, и забормотал себе под нос:

— Видеть каждый день... каждый день... каждый день...

Внезапно его осенило. Он перевёл взгляд на классную доску.

— В школу ходят ради знаний. Что, кроме учителя, нужно видеть каждый день? Доску! — он спросил это будто у самого себя.

Синь Жун быстро вернулся к столу:

— Не нужно ничего ломать. Помогите, если я не ошибаюсь, эту доску можно снять.

Группа разделилась: двое с одной стороны, двое с другой. Крепко ухватившись за края, они рванули вверх. К удивлению, тяжёлая на вид доска поддавалась.

Когда её отодвинули в сторону, перед ними открылась ниша в стене, а в ней — железный ящик. Он лежал точно в углублении, словно специально для него предназначенном.

Синь Жун достал ящик и поставил на стол.

Поверхность была покрыта ржавчиной, тёмно-красные пятна напоминали запекшуюся кровь. Вдоль крышки тянулись засохшие чёрные подтёки, вызывая тошнотворные ассоциации с разложением.

Всё это выглядело крайне зловеще. Сверху лежала записка, но от времени и грязи разобрать текст было невозможно.

Не нужно было быть гением, чтобы понять: это те самые слова, которые дети оставили для Чжоу Сяохуэй. Но она так и не нашла своего друга до самого конца.

Синь Жун потянулся к крышке, но Хо Фань, заметив его раненую руку, перехватил инициативу. Его слова прозвучали довольно грубо:

— Она заржавела, ты собрался её открывать? Отойди, я сам.

Синь Жун поправил очки, взглянул на свою руку и, ничего не сказав, отошёл в сторону.

Хо Фань ухватился за крышку. Его руки были красивыми, с тонкими пальцами и чистыми ногтями, а на указательном пальце поблескивало кольцо со странными символами.

Раздался скрежет, похожий на звук мела по доске, и ящик поддался.

Внутри, в слое высохшей чёрно-жёлтой жидкости, лежали кости — всё, что осталось от котёнка.

Сколько времени прошло? Она лежала здесь, прямо за доской, которую Чжоу Сяохуэй видела каждый день.

Так близко.

И так жестоко.

Значит...

Действительно ли человек рождается добрым?

<http://bllate.org/book/21345/2167050>